

Валентина
Люкшинова

Новомосковск
2015

ББК 83(2Р-4Тү)
Л94

Люкшинова, Валентина

Статьи о литературе : статьи / Валентина Люкшинова. -
Новомосковск.: [б.и.], 2015. - с.66

*Компьютерная вёрстка, корректура, оформление –
Александр Топчий*

*Автор благодарит заведующую отделом краеведения
Центральной городской библиотеки МУК
«Новомосковская библиотечная система»
Польшину А. В.
за помощь в работе над этой книгой*

Подписано в печать
Тираж договорной
Формат 60x84/16

Отпечатано в типографии «Альтернатива»
Тульская обл., г.Новомосковск,
ул. Коммунистическая, 23

«В опасной близости от сердца»
(о поэтическом сборнике *Т. Макаровой*)

Уф! Наконец-то держу его в руках – сборник стихотворений Татьяны Михайловны. Я гонялась за ним полгода. Он вышел в 2005 году в Туле тиражом 200 экземпляров. Сигнальный экземпляр продемонстрировали на 70-летию Татьяны Михайловны. Об этом рассказал мне Владислав Сергеевич Гришин, присутствовавший на том вечере.

Татьяна Михайловна умерла в 2008-м. В 2009 я ушла на пенсию, потом были болезнь и смерть матери. После этого я начала искать сборник, что оказалось делом нелёгким: погиб Слава, старые связи с институтом давно утратились. Осенью 2014 после звонка в деканат получила номер телефона Сергея Александровича Козлова, который должен был что-то знать о книжке. Месяца два не могла дозвониться до него, а потом кто-то из домашних, уставших от моей назойливости, дал мне номер его мобильного. Именно С.А.Козлов назвал мне фамилии людей, которые ухаживали за Татьяной Михайловной в последние годы её жизни.

И вот разговор с Ольгой Шляховой. Она пообещала переправить мне в Новомосковск из Тулы два экземпляра сборника стихов Татьяны Михайловны. Один я передала в ЦБ, а другой стал моей настольной книгой.

О том, что Татьяна Михайловна пишет стихи, я узнала ещё в 70-е, но никогда их не читала. И с трепетом в сердце открыла книжечку. Первый раздел – «**Русское время**».

Недавно вдруг заметили поэты,
А им, как ни прикидывай, видней:
До странности похожи на ракеты
Шатры суровых северных церквей.
И, может быть, космическим прохожим,
Уже соображавшим, что почём,
Казалась сверху наша Русь похожей
На обжитой уютный космодром.
С лесов тесовых вверх не без азарта
Она кидала взор из-под руки.
Ей оставалось лет 500 до старта –
В космических масштабах – пустяки! (1, с.5).

Да, наше русское время медлительно-стремительно. Парадокс? Да нет, наша национальная особица... А вот другое стихотворение:

Мне кажется, что все часы стоят –
Так часто я на них бросаю взгляд.
Мне кажется, что врут календари –
Не успеваю близких одарить.
Раз время тащится и в мире, и в стране,
Притормозить придётся, видно, мне.

1 января 1993г.(1,с.7)

Нет, она притормозить не могла, она всегда торопилась – торопилась познакомить студентов со всеми новинками зарубежной литературы, которые печатались в журнале «Иностранная литература». У неё были все номера этого

журнала, начиная с первого. Узкий стеллаж стоял в прихожей её двухкомнатной квартиры на проспекте Ленина.

Она постоянно читала, писала сценарии, обдумывала очередные статьи для научных сборников. Помню, как ещё в годы моего студенчества она и долго и мучительно работала над статьёй «Гёте и Достоевский».

Второй раздел сборника называется «**Русь**».

Я знаю, что Татьяна Михайловна была из «тихих патриотов». Никогда не говорила о любви к Родине, а просто любила её беззаветно, понимая всю её непростоту. И любовь свою к России она доказала своим 40-летним служением ей на ниве просвещения, не самой лёгкой в нашей стране. Раздел «Русь» открывает стихотворение:

Когда на Куликовом рать стояла
На жизнь и смерть под натиском врага,
То за спиной у нас текла Каяла,
А впереди незримо полыхало:
Бородино и Курская дуга.
А за спиной у темника Мамаю
Лежала степь, от края и до края
Истоптанная, выжженная, злая,
Детьми забыта, миром проклята.
А это значит: у того Мамаю
И впереди зияла пустота. (1,с.9)

А перед следующим стихотворением стоит эпитафия – пушкинское: «...клянусь честью, что ни за что на свете..»

Не нам завидовать
 штандартам и коронам.
Достанет нам истории своей:
Из замка Гамлетом
 к нам приезжали жёны,
И на французский трон
 мы слали дочерей.

Какие нам удары наносили!
И всё ж спешить нам было не с руки:
Мы, не спеша, татар переварили
И смяли бонапартовы полки.
Нам не закон чужих военных планов
Размеренно-штабная благодать.
И даже наших грозных Иоаннов
Нам смысла нет на Ричардов менять. (1,с.10)

Святая равноапостольная Ольга, великая княгиня Российская

Ах, как она безжалостна вначале:
Валькириям воинственным сестра,
Горели дети, женщины кричали,
А Ольга улыбалась у шатра.

И вырос под железною рукою,
Всегда отважен, молчалив и прав,
Не знающий пощады и покоя
Днепровский викинг, конунг Святослав.

Пришла к тому,
чем можно кончить стих,
Последняя из северных валькирий
И первая из киевских святых. (1, с.13)

История киевской княгини Ольги, отомстившей, как требовал древний обычай, древлянам за смерть своего мужа, а затем принявшей христианство – это и история Руси, поменявшей богов языческого пантеона на единого Бога. Той Руси, которая от древней воинственности и жестокости перешла к гуманизму, доселе ей не очень знакомому.

Не менее поучительной была и судьба ещё одной известной женщины Руси – Улиты Боголюбской:

Мы ничего не знаем о прошедшем –
Лишь мёртвый лом статистики и дат.
Ни чистых слёз, ни исповедей грешных
К нам не дошло из хижин и палат.

И много ль от науки нашей пользы,
Коль проживём мы, так и не узнав,
Как пел Баян, умела ль плакать Ольга,
Во что играл мальчонкой Ярослав?

А та москвичка, после отчей казни
Вручённая без памяти и сил
Угрюмому и вспылчивому князю.
Что только Богородицу любил?..

Как мерялась она с тоской своею
И что в ту ночь она пережила,
Когда в покои своего Андрея
Сама убийц, тоскуя, провела?..

И видела ль она тот след кровавый,
Что по ступеням каменным сползал

К той нише, где без чести и без славы
Его удар последний отыскал?

Что там случилось, в тереме том древнем,
Что сотрясало низкий свод его?
Любовь иль честолюбье, месть иль ревность?
Мы ничего не знаем, ничего. (1,с.14)

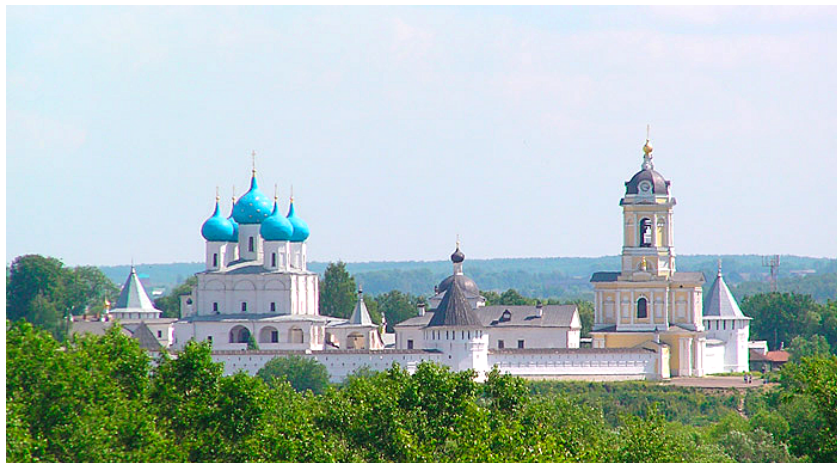
Читая это стихотворение, вспомнила нашу студенческую поездку во Владимир и Суздаль, ту, чудом сохранившуюся до наших дней, башню в Боголюбове, где был заколот князь Андрей Боголюбский и даже то место, где он получил смертельные раны.

Когда спускались по тесной винтовой лестнице, возникло ощущение удушливой тревоги, как будто вслед за нами тоже крались невидимые убийцы. Гений места!

Боголюбово. Храм Рождества Богородицы и Лестничная башня

«Камни России» – этот раздел сборника как бы продолжает размышления о России. Татьяна Михайловна выросла в Серпухове. Дом родителей находился неподалёку от Высоцкого монастыря, которому Т.М. Макарова посвятила несколько стихотворений.

Серпуховский Высоцкий монастырь

В одном из них она написала:

Я выросла у ног монастыря,
Таинственного, древнего, седого.

А в другом стихотворении читаем:

Ему семьсот. Он, право, хоть куда.

Она размышляет об истории монастыря и его сегодняшнем дне:

Стал монастырь весьма щеголеват,
К себе он не пускает тех ребят.
Засовы у его священных врат
Солидно и уверенно гремят.

Блестят, когда-то тёмные, кресты.
Что золотых ушло на эту блазь!

А сколько уворовано – сочти.

Что говорить:

Соблазн, соблазн, соблазн!

За тем ли Сергей в ветхой рясе шёл
Сюда пешком из Троицы своей
И добровольно в монастырский полк
Моих собирались сотни пра-дядей.

По окским бродам навстречь татарья
Шли с бердышком по крутыя откосам.
От них произошла и мать моя –
От мужика с прозванием Бердоносов. (1,с.26)

В «Балладе о Высоцком монастыре» описан, видимо, реальный случай из жизни Татьяны Михайловны.

Весёлый мой щенок подвёл меня
К калитке монастырской. Сдуру я
Решилася войти... И началось!
Как сорный ветер пролетел насквозь,
Меж монастырских запертых дверей.
Поднялся лай. Нет, лаял не щенок,
Испуганно прижавшийся у ног...
А кто же? Неужели иерей?!
Все были в гневе, в ярости, не в духе –
Монахи юные, и злобные старухи,
И этот упакованный герой,
Который перед нами встал горой.
И крестным знаменьем швырнул в нас
Так легко...
Он бесами нас счёл?
А мы – его.

(1,с.28)

«**Античное**». Этот раздел содержит великолепные по мысли и исполнению стихи.

Э. Берн-Джонс. «Пигмалион и Образ: Сердечное желание»

Спокойный белый взгляд
античных статуй
Всегда направлен выше наших глаз,
Как будто им и виден, и понятен
Тот, кто придёт к ним после,
Позже нас.

Тоской Пигмалиона мы тоскуем,
Прозрев горящий в старом камне свет,
И, как Орфей, отчаянно рискуем –
Взглянуть иль нет, идёт ли кто вослед. (1,с.29)

Татьяна Михайловна прекрасно знала историю зарубежной литературы, а также мирового искусства. Она автор книги «Читая Гомера: Хрестоматия». Но это взгляд учёного-филолога. А стихи – это отклик сердечный на детство евро-

пейской цивилизации. И, как всегда у Татьяны Михайловны, это взгляд глубокий, проникновенный, оригинальный, – её взгляд.

К. Лоррен. «Троянские женщины жгут флот»

Отоспались в палатках герои,
Подобрали оружие с земли...
И ушли корабли из-под Трои,
Навсегда разошлись корабли.
Устремились, в предутреннем мраке,
Не провидя смертей и измен,
Те – к оливковым рощам Итаки,
Эти – к Львиным воротам Микен.
И казалось в то утро героям,
Что они обманули Аид,
Что Танатос у них за спиною,
На пожарищах Трои царит.
Ни утёсы, ни бури, ни мели
Не мрачили весёлый их взор...

Ни циклопов подземные щели.
Ни Эгисфа кровавый топор...
И с тех пор вопреки всем тревогам
И укорам рапсодов седых,
Вечно путать пролог с эпилогом
Будут люди в расчётах своих. (1,с.30)

Антигона. Одна из известных героинь античности. Она была дочерью фиванского царя Эдипа. Вернувшись из скитаний с изгнанным отцом, когда царь Креонт после гибели в единоборстве братьев Антигоны Этеокла и Полиника велит похоронить первого со всеми почестями, а второго как изменника оставить непогребённым, Антигона, несмотря на царский запрет, решается предать земле тело брата. Креонт приговаривает её к мучительной смерти в запертой пещере. Там Антигона кончает жизнь самоубийством. Софокл описал историю героической девушки в своей трагедии. Ну, а Татьяна Михайловна написала о ней проникновенное стихотворение:

Девчонку в чёрный камень муровали.
Девчонку белым светом соблазняли.
Статьи ей подбирали прокуроры.
Запугивали голосом и взором.
Девчонку брали мудрецы на пушку,
Подстраивали хитрые ловушки.
Но девочку неведомая сила
Над всеми западнями пронесла.
Над худенькими детскими плечами,
Как крылья Ники, реяло молчанье.
Девчонке этой свадьбы не дожидаться,
Не плакать, не ворчать и не смеяться.
Не матери, не милые, не жёны,
Девчонками уходят Антигоны.
В века уходят лёгкою стопою,
Чтоб возродиться в Жанне или в Зое.

О детских плеч обманчивая узость!
Ты – анти!
Анти-зло!
И Анти-трусость. (1,с.31)

Туристы у Колизея

Форум в Риме

Стихотворение «Городу Риму», как и всё у Татьяны Михайловны, оригинально, в чём-то парадоксально. Вспомним пушкинское «...и гений, парадоксов друг». Парадоксальность – один из признаков гениальности. Представляю, как бы недоверчиво усмехнулась Татьяна Михайловна, прочитав это. Но её стихотворение отнюдь не гимн вечному городу, а его критика.

*Я презираю вас и город ваш!
Я прочь иду. Есть мир и кроме Рима.
У.Шекспир. «Кориолан»*

Как ты красив! – Аркады да колонны!
Как ты велик! – Походы да бои!
Они красноречивей Цицеронов,
Легенды величавые твои!
И всё же потрясённым ротозеем,
Путеводитель нервно теребя,
Я не хочу стоять пред Колизеем:
Великий Рим, я не люблю тебя!
Твои тираны льстили побирушкам,
Твои жрецы не ведали святынь,
Твои трибуны, с форумов вернувшись,
Насиловали девочек-рабынь.
Чужие боги истины, картины!
Чем можешь ты похвастаться своим,
Ты, обобравший белые Афины
И бело-золотой Иерусалим!
Смотри: на площадях твоих широких,
Где привозные статуи стоят,
Разоблачают прошлые пророки
Твой импортный египетский разврат!
На зло весталкам мраморно-лилейным
И мраморно-бесстыдным старикам
Бросаю этот стих благоговейно
Под пыльные калиги Спартака. (1,с.32)

Была ли Татьяна Михайловна верующим человеком? В том смысле, как это понимается сейчас, наверное, нет. Но я неправильно поставила вопрос. Была ли она воцерковлённым человеком? Скорее всего – нет. В стихотворении «Справедливость» она написала «Я, атеистка...»

Но когда смотришь на стихи из раздела «**Евангельские чтения**», то вопрос, была ли Татьяна Михайловна верующей, отпадает сам собой. Без сомнения, да. Она была верующим человеком, глубоко верующим, вера её была не

слепой, а осознанной и выстраданной.

Реконструкция лица Христа с Туринской плащаницы

Христос. От противного.

Каков он был? Терпим или фанатичен?
Наивен или адски искущён?
Христос один – и то проблематичен,
Антихристам же имя – легион. (1,с.33)

Христос. Рождество.

Да что вы, право! Духи, да виденья,
Да чудеса!.. Вы это не шутя?
У девушки в заброшенном селенье
Родилось незаконное дитя.
Вздыхал Иосиф, сплетнями задетый,
Взглянуть на парня родичи пришли.
Ехидные старухи Назарета
Нехитрые подсчёты провели.
А в остальном, нетронутый нимало,
Мир жил себе, запутанен и прост.

У Ирода своих проблем хватало,
А пастухам тем было не до звёзд. (1,с.33)

Н. Ге. «Пилат. Что есть истина»

Решив, что это вовсе невозможно –
Увидеть Истину без философских лат,
Запутался бесславно и безбожно
Интеллигентный, мыслящий Пилат.
Он не сумел её отпластовать
От хитрой лжи, от мутной моды века.
А Истина, она всегда проста –
Спасти, помочь, не выдать человека. (1,с.34)

Две последние строчки – это жизненное кредо самой
Татьяны Михайловны.

Н. Крамской. «Христос в пустыне»

Христос. Выносливость.

Он выжил там, где выживал не каждый,
Миазмами с младенчества дыша,
Где от телесной и духовной жажды
Растрескивались губы и душа.

Он спасся там, где резали младенцев,
Где жизнь людей была легка, как прах,
Где супротив логичных элоквенций
Вставали толпы с камнями в руках.
Там, где в разгаре диспутов библейских
Вдруг обнажались узкие ножи,
А в мареве пустыни Галилейской
Дрожали голубые миражи.
Где по хлевам роженицы кричали,

Где только шлюхи верили в добро,
Где Слово вовсе не было в начале,
И где в начале было серебро...
Он вынес всё – насмешки, злобу, голод,
Песчаный жар бесчисленных дорог.
И только столкновенья с протоколом,
С Законом, с Буквой вынести не смог.
На солнце раскалённом и суровом,
В сияющей небесной высоте
Сгорело воплотившееся слово
На Буквою воздвигнутом кресте. (1,с.35)

Жорж Руо. «Распятие»

В него вонзали острые улыбки.
Ему кричали: «Докажи, что Бог!»
Он, жертва юридической ошибки,
Распятый, одинокий, что Он мог?

В его ладонях полыхали раны,
На мозг его, как тень, легла беда.
Он был один. Петры и Иоанны
Явились слишком поздно, как всегда.
Он был Учитель. Смерть была Уроком.
Поняв всё это, скорбно Он затих.
Как мало мы даём своим пророкам!
И слишком много требуем от них. (1,с.36)

Раздел «**Моя история**» состоит из автобиографических стихов.

В день моего сорокалетия

Ну, слава Богу, молодость прошла...
И то сказать, изрядно задержалась.
Уж больно резво с места ты взяла,
Как тот экспресс с Казанского вокзала.
Не замечая встречных поездов
И мирного покоя полустанков,
Неслась вперёд, не чувствуя годов,
Стремительная юная беглянка.

Неслась по перегонам бытия,
Как будто её вовсе не касалось,
Что скорость беззаботная твоя
Кому-то уж безвкусицей казалась.

Привет тебе, ушедшая, привет!
Благодарю за то, что (верно, братцы?)
Мы были всё ещё и в тридцать лет
Куда моложе, чем в свои семнадцать.

Спасибо, что не выпал нам свинец,
А лишь газеты, ливни да метели,

знала, когда училась. Она не любила рассказывать о себе, в этом смысле её можно назвать закрытым человеком. Когда я прочла стихотворение «Отец» и услышала рассказ Ольги Шляховой, сильно удивилась.

Ах, мой отец! Мой бедный милый папа!
Чем мог своё ты скрасить бытиё?
Жены халатик вытащив из шкапа
Иль маленькое платьице моё...

Ты не виновен и виновен всё же.
Когда-то на гражданской на лихой
Ты убивал (и был убит бы тоже),
Но выжил, обзавёлся и семьёй.

Прости, отец, твой путь
тяжёл и страшен
И просто объяснить его нельзя –
Ни сняв твою будёновку со шкапа,
Ни выслушав , что говорят друзья.

Твоя семья – моя святая мама
И я, пустое детище твоё,
И это – не история, а драма.
Я тоже продолжение её. (1,с.42)

Все мы часть общей истории, которая имеет счастье (или наоборот) отражаться в нашей персональной истории, то есть биографии. И Татьяна Михайловна очень хорошо понимала это. Вообще у неё было особое отношение к прошлому: в отличие от многих, она не пыталась предъявлять претензии к нему, понимая, что это глупо, да и небезопасно.

Отец Татьяны Михайловны, соратник Якира, был репрессирован в середине 30-х. После этого мама предусмотрительно сменила фамилию дочери. От греха подальше.

Много стихотворений в сборнике посвящено тому, что Татьяна Михайловна в своё время тщательно скрывала. Помню, приехала к ней после внезапной смерти Рафаэля Соломоновича Шнейдермана, – Рафа, как звали его мы, студенты. Мы долго вспоминали о нём. Я привезла ей кусок киноплёнки, на которой был Рафаэль Соломонович. Татьяна Михайловна была сильно расстроена. Помню, говорили о том, что хорошо бы издать его лекции. Он читал «Античность. Средние века. Возрождение».

Но вся драма заключалась в том, что Раф читал курс по памяти, никаких записей у него не было. Помню, она с горечью сказала: «Он жил сибаритом». Потом у Пастернака прочитала:

Не надо заводить архива.
Над рукописями трястись
Цель творчества- самоотдача
А не шумиха, не успех. (Зс.442)

Он так и жил. В поэтическом сборнике «Общежитие №1», составителем которого являлась Татьяна Михайловна, есть стихотворение Александра Хоца о Р. Шнейдермане:

Р.Ш.

По-пастернаковски растягивая речь,
Входивший в зал в мальчишеской футболке,
Вплетающий с озорством «понеже» и «сиречь»,
Цитатчик и знаток всего, что есть на полке,

Носивший напоказ загар и серебро
Табачного дымка, волос, и глаз, и речи,
Шутивший плутовски: «Рубин-Гранат-Тагор»...
И вечность, как пиджак, откинувший за плечи, –

Какой сегодня сон знаком твоей душе?
Хранимо ль в пустоте подобье человека?

Зовётся ли душа по-прежнему «РШ»
Иль стала как дымок – то облака, то снега?...

А может, в ложе глин без лика и примет,
Свершив полураспад быстрее, чем цирконий,
Исчез в небытии – за те семнадцать лет,
Что голос твой изъят из всех аудиторий?

И, может быть, милей, чем вечно жить и жить,
Эфир избороздив с незримостью мотива, –
Строку «быть знаменитым некрасиво»
Суметь небытию как пропуск предложить.

Так кто же ты теперь – метель, бывшее, сын?..
В каких искать рядах сцеплений и молекул
Глядящего, тебя, на всполохи грозы
Из спутанных ресниц ромашек и календул... (2.с.32)

Ф. Ходлер. «Мечта»

Заклинание.

Продлись, зима! Потребуй, что угодно!
Я разорюсь, но расплачусь с тобой,
Ведь там в земле, спасительно холодной
Лежит мой друг, лежит любимый мой.
О Боже мой! Неверие чревато!
Я никого о встрече не молю,
Хоть знаю. Что с улыбкой виноватой
Он там лежит, а я его люблю. (1,с.54)

У Рафаэля Соломоновича и вправду была какая-то извиняющаяся улыбка. Это было выражение гипертрофированной деликатности, тонкости натуры. В другом своём стихотворении Татьяна Михайловна употребит слово «тонкокожесть».

Ну, да. Люблю. И что ж теперь мне делать?
Чего не делать – знаю: не кричать!
А можно ночью по асфальту бегать,
А днём, при встречах, каменно молчать.
Или ворчать, дразнить, прослыть сварливой,
Признаться лицемерно в нелюбви...
Всё это для того, чтоб скрыть стыдливо
Желанья потаённые свои.
Желанья, невесомые, как воздух;
Надежды, ненадёжные, как нить;
Мечтанья, о которых слишком поздно,
Смешно и бесполезно говорить,
Готова сердце беспощадно скомкать,
Но быть разоблачённой не хочу.
Боюсь лишь одного: не слишком громко,
Не слишком ли заметно я молчу.
Я отвожу трусливо взгляд,
Я не смотрю в глаза:

Мои глаза открыть грозят
То, что открыть нельзя.
Мои глаза меня предать
Готовы каждый миг,
И я опять смотрю в тетрадь,
В окно и на других.
А видеть свет очей моих
Мне лишь тогда дано,
Когда он смотрит на других,
В тетрадь или окно. (1,с.49)

*Кто может знать при слове «расставанье»,
Какая нам разлука предстоит...*

О.Мандельштам

С тобой не раз прощалась я надолго,
Стихами отмечая поворот...
В двойной тени, неведенья и долга,
Едва ли замечал ты мой уход.

Со мною не прощался ты ни разу
И, уходя, не оставлял следа.
И тут ушёл на середине фразы.
И, оказалось, навсегда.

И снова, как всегда, у расписанья...
И что-то об Эль Греко, и опять
Небрежное («До завтра!») расставанье
О, если знать бы... Если б только знать!

И в ту же ночь звонок раздался грозный
Не у меня. Но вдруг пришёл сосед
И предложил остаться. Было поздно.
Зачем? Конечно, я сказала «Нет!»

Потом окно открыла, был мороз.
Хотелось простудиться, горечь слёз.
Но было поздно, и, конечно, нет:
Наутро надо было расставаться.
Но почему сосед хотел остаться? (1,с.52)

Они всегда сидели рядом на собраниях, на лекциях москвичей, приезжавших в Тулу. Они были ровесниками, читали один и тот же предмет. В то время этого было достаточно, чтобы сделать вывод, что они были друзьями. Но и только. Оказалось, всё гораздо сложнее.

Прощание с Рафаэлем Соломоновичем было в институте. Татьяна Михайловна плакала в кабинете литературы. Для неё это было не только расставание с коллегой, но и с любовью. Возможно, единственной в жизни. Пишу, а перед глазами молодые и ещё живые Татьяна Михайловна и Рафаэль Соломонович. Как быстротечна жизнь! И как спасительна память!

Раздел «**Моя эстетика**». В нём – о мыслях, взглядах, литературных и искусствоведческих привязанностях Татьяны Михайловны. Вот «Гамлет», спроецированный на собственную судьбу:

Посвящается Н.Охлопкову

Гремит о скалы сумрачное море,
Покрыты мраком склоны диких гор.
А здесь, взгляните, вся орава в сборе –
Пирующий, весёлый Эльсинор.
Сойти бы вниз, мигнуть дворцом: «Кубок!»
От горького бессилья застонать...
И освежить пылающие губы
Весёлым соком доброго вина.

Местечко мне нашлось бы у корыта;
Племянник, шут, любимый смирный раб...
Они здесь пьют допьяна, жрут досыта
И тискают хихикающих баб!
А мне нельзя? Иль рейнского не хватит?
Иль фрейлин не найдётся для объятий?
Так может – БЫТЬ? Судьба, она сильнее...
Она разит десятками мечей...
И что за смысл мне в одиночку с нею
Сражаться тонкой шпагою своей?
Как доказать? – А может, я не лучше?
Как объяснить? – Они ведь не поймут!
Да, в Витенберге этому не учат...
Да, здесь решать придётся самому.
Опять звенят бокалы за стеною...
Как их не слышать? Как о них забыть?
Друзья, вы есть? Скажите, вы со мною?
Скажите, как мне...

БЫТЬ?.. Или НЕ БЫТЬ?.. (1,с.63-64)

Д. Э. Миллес. «Офелия»

Как будто бы спасая от потопа,
Ввели в ковчег поющих русских строк
И колдовские гены эфиопа,
И хладное чужое имя «Блок».

И наконец, сполна, не без усилий,
Освоив европейский политес,
Запомнили татарские фамильи
Изысканных российских поэтесс. (1,с.66)

Кино.

Кино – опасное искусство!
Оно привычно, как трамвай;
Всё ширпотреб – идеи, чувства:
Плати, садись и отдыхай!

Как всё знакомо! Дом, крыльцо,
Объятыя, тучи, люди, кони...

А вдруг – удар:

Одно лицо,

иль крик,

иль выстрел,

иль погоня.

Выходишь, едешь, ешь и пьёшь,

Но никуда от них не деться –

Как будто обломился нож

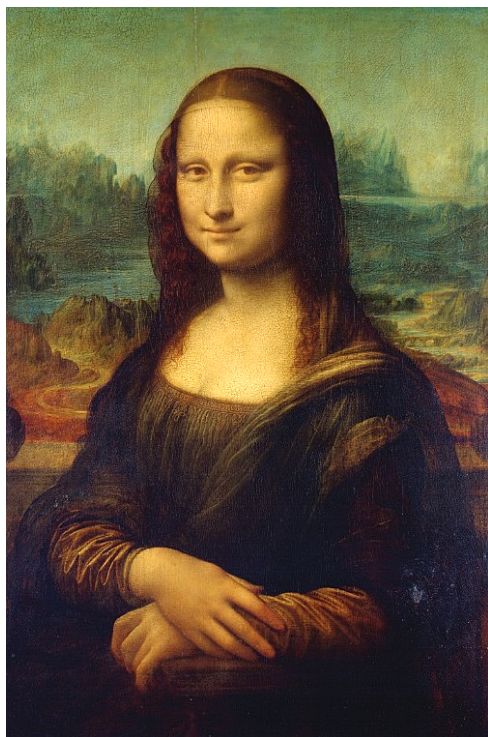
В опасной близости от сердца. (1,с.68).

Зимой, готовя материал для задуманной книги, долго и упорно я занималась Леонардо. Перечитала всё, что нашла, подняла свои старые записи. Тогда у меня ещё не было сборника Татьяны Михайловны. Конечно, читала и о Джоконде. Кого же изобразил художник? Одни исследователи утверждали, что это автопортрет самого да Винчи, другие –

что это его ученик и любовник Джан Джакомо Капротти, третьи – что это андрогин, то есть соединение мужского и женского, четвёртые – что Мона Лиза есть женский двойник художника. А пятые считали, что Джоконда рождена воспоминаниями Леонардо о матери.

Как бы то ни было, четыре долгих года, «затратив, по некоторым подсчётам, не менее 10000 часов, с лупой в руке Леонардо изо дня в день создаёт шедевр, нанося кистью мазки величиной $1/20$ - $1/40$ мм». (4)

Леонардо так и не смог расстаться с этой картиной. Он возил полотно с собой и завещал его Капротти. Когда я прочитала стихотворение Татьяны Михайловны, окончательно утвердилась, что была права в своих размышлениях.

Леонардо да Винчи. «Джоконда»

Свидание с Джокондой.

Немыслимой энергией покоя
Легко раздвинув космос голубой,
Не сузив глаз, не шевельнув рукою,
Она звала к ответу нас с тобой.
Не знаю, чем она побуждена
Нас различить среди тысячи песчинок,
Но, впрочем, это равный поединок:
Живые мы, бессмертная она.
Когда же были пройдены ступени
И от разгадки так недалеко,
На те пятнадцать каверзных мгновений
Скрестились наши смертные зрачки,
В припухших веках женского каприза
Прорвался взор безжалостно мужской...
Взмолилась о пощаде мона Лиза.
Как? Мона? Лиза? Подожди... Постой...
Не надо, не разгадывай, не надо!
Разгадкой ли загадки хороши?
Ах, мона Лиза, мона Леонарда!
Автопортрет полуночной души. (1, с. 69)

Вот почему Леонардо не хотел продать полотно: никто не захочет добровольно расстаться с собственной душой.

До сих пор помню и я тот завораживающий и насмешливый взгляд Джоконды, который сопровождал всех пришедших на свидание с ней, когда её привозили в Москву в семидесятые. Это было в ГМИИ им А.С.Пушкина.

Вечной красоте, её загадкам посвящены стихи Татьяны Михайловны «Мы вечно пропускаем красоту», «Мне остро захотелось красоты».

«**Пушкинское**». О содержании этого раздела говорит его название. Пушкин был любимцем Татьяны Михайловны.

Он – твой последний стих,
Он – первый из твоих
 блистательнейших зодчих.
Москва дала ему младенчества мечты,
И барства воркотню
 в старинной клубной зале,
И девочку нездешней красоты
У Йогеля на первом детском бале.
Ты ж был к нему суров:
 И в климате изъян,
И холодок в спине от хохота и взглядов,
И занята семья, и некогда друзьям,
А белокурый враг не посторонь, а рядом.
И сердцу радостно, что всё же увезли
Его отсель, хоть ночью, хоть на дровнях,
И упокоили в холме родной земли,
Не царственной, не стройной
 и неровной. (1,с.75)

А. П. Брюллов. Портрет Н.Н. Гончаровой

Ещё одно оправдание Натали.

Ну да! – Великая утрата.
Да, боль и слёзы всей земли.
Но ведь она не виновата!
Не обвиняйте Натали!
При чём здесь юная москвичка?
При чём она, в конце концов,
Не нарушавшая приличий
И не любившая стихов!
Пусть красотой нечеловечьей
Сияет на глазах у всех
Невиноватая, как вечер,
Невиноватая, как снег,
Как ветры, что в ту зиму дули,
Как тень от сосен на земле,
Невиноватая – как пуля
В уже нацеленном стволе. (1,с.76)

Раздел «**Абстракции**» открывается стихотворением
«Справедливость»:

О Боже! Что такое справедливость?
В чём кроется патетика весов?
И почему рифмуется с ней лживость
Продажных и бесчестных голосов?
Ты знаешь, ненавижу я смирение,
Даров и милосердья не трплю!
Я, атеистка, ставши на колени,
Тебя о справедливости молю!
А если Ты не можешь, Ты не можешь,
То назови мне имя! Назови,
Кто вымечтал то слово, что дороже
Мне ненависти, счастья и любви? (1,с.77)

Может быть, справедливость и абстрактное понятие,
но без неё жизнь способна превратиться в сущий ад. Ещё

одно, без чего невозможно человеческое существование – ответственность:

Да, мы теперь одежд не раздираем
И волосы в отчаянье не рвём.
Им, древним, вся земля казалась раем,
И горе нестерпимым было в нём.
Они на землю статую бросали,
Бранили Озирисов и Киприд,
Счастливые, они их точно знали –
Виновников несчастий и обид!
А нам что делать – умным и учёным,
Сумевшим всё на свете объяснить?
Что, если небо делается чёрным?
Кого молить? Чьи статуи громить?
Мы возгордились, прошлое развеяв,
Но мстит оно, ликующе трубя,
Хохочут боги в тишине музеев:
– Вы свергли нас?
Надейтесь на себя. (1, с. 79)

Татьяна Михайловна, как и всякая женщина, любила цветы. Наверное, поэтому в её поэтическом сборнике появляется раздел «**Флора и фауна**»:

Ах, эту душу тёмную сирени
Когда-то Врубель тщательно искал.
Она цветёт в красе своей и пене
Везде, вокруг. В садах, средь голых скал,

В лугах и в парках, в неге и в природе
Она несёт величие своё
С мечтой о счастье, счастье и свободе,
И мы лелеем звёздочки её. (1, с. 86)

«Наше время» – так назвала Татьяна Михайловна ещё один поэтический раздел своей книжки.

Разделяй и властвуй.

Ирине, историку

Как мы привыкли разделять всё в мире!

Чтоб властвовать?

Чтоб легче верить в это?

Вот математика: бином Ньютона...

Эвклид и Гаусс... даже Лобачевский...

Нам всё известно! Мы на высоте.

А вот высоты и иного рода –

Прекрасная российская словесность:

Вот знаменитый пушкинский Лицей...

Вот граф Толстой и некий петрашевец

Примерно на таком же эшафоте,

На коем встали пятеро друзей

Помянутого выше лицеиста.

Но это уж – История! Царица

Наук! Служанка войн и революций,

Их точная рабыня-секретарша

С набором перьев, остро очинённых

Нагим железом шпаг и топоров.

Тут все они под пристальным

присмотром;

И тот тиран, и этот эпилептик,

Бородино, Бастилия и Троя...

Тот каземат и этот эшафот.

И прямо по ступеням обобщений,

По гладким плитам чётких хронологий –

К тому броневнику, к тому апрелю –

В тот беспокойный ветреный октябрь!

Прямыми мир расчерчен на квадраты.

И не пересекаться параллельным!

Из бедного поместья из-под Тулы,
Которому дозволил Лобачевский
Держать экзамен в университете
Казанском, где лет на десять попозже,
Учился, увлекаясь Лобачевским,
Совсем уж скромный
и совсем уж нищий
Усердный астраханский обыватель,
Который стал учителем блестящим
И умер, не дожив до эшафота –
До третьего уже в рассказе нашем,-
Где сын его подставит горло петле,
Навеки возмутив меньшого брата,
Отличника и умницу, кому бы
Дорога в остроумные доценты,
А он, едва в Казани прикоснувшись,
Через Сибирь, Швейцарию и Лондон –
Туда –
В апрель,
На славный броневик,
Вкатившийся в скрещенье параллельных.

Мне очень близок взгляд Татьяны Михайловны на отечественную историю. В ней было всё: и плохое, и хорошее, но давайте с уважением относиться к прошлому, – тем более, что изменить в нём уже ничего невозможно. Татьяна Михайловна никогда не был человеком конъюнктурным, внушаемым. Для этого она была слишком умна.

Невесёлыми размышлениями о России 1990-х пронизаны стихотворения «Когда Россия рушила кресты», «Доколе» и др.

«Баллада о моей Испании» рождена посещением этой страны, которую любила и искусство которой прекрас-

но знала Татьяна Михайловна. Она пишет:

И ни единую землю,
кроме земли России,
Так я не боготворила и не любила так. (1,с.106)

...Граф Оргас всех приглашает
на погребенье своё.
Притронуться оком к Эль Греко
запрета вообще-то нет,
И, слава Сант Яго испанскому,
хватило у нас песет.

Привет тебе, грек Доменико,
из хладной седой Руси!
О том, как живёт земляк твой,
докладывать не проси.
И мы ему не доложим,
вернувшись к фрескам его.
Что в Каса Эль Греко в Толедо
народу – всего ничего.

(1,с.108)

Экслибрис на книгах Татьяны Михайловны – рыцарь печального образа, Дон Кихот.

Татьяна Михайловна тяжело пережила развал страны и то, что за этим последовало. Об этом стихотворения «Грузинская баллада о предателях», «Гайдар шагает впереди», «Баллада о большой игре»...

Завершает сборник стихотворение «Слово»:

Запомнят чеченцы,
Запомнят монголы
Российского слова
Святые глаголы.

Два брата великих,
Святых и суровых,
Взлюбили звучанье
Славянского слова.

И дали ему воплощённое тело
Для долгого века,
Для славного дела.

Вместило в себя богоданное слово
И Пушкина славу,
И мудрость Толстого.

И жить будет Русь
Под великим покровом,
Доколе звучит
Благородное слово. *(1, с.120)*

И это не случайно: человек, всю жизнь посвятивший литературе, и не мог написать иначе. Стихотворение, завершающее поэтический сборник Татьяны Михайловны – выражение её веры в силу и святость слова, родного языка, основы нашей русской цивилизации. Всю свою жизнь Учитель и Поэт Татьяна Макарова посвятила службе этому Слову.

В аннотации к сборнику составители написали: «Любителей поэзии наверняка порадует эта новая книга стихов именитого автора». И это правда. Потому что «В опасной близости от сердца» – книга не просто «именитого автора», это книга настоящего Поэта.

Т. М. Макарова. 1971 год

Т. М. Макарова. Начало двухтысячных.

Источники

1. Макарова Т. «В опасной близости от сердца», Тула, изд. ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2005 г.
2. «Общежитие № 1». Сборник стихотворений, Т., 1993 г.
3. Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. КиС, М., 1988 г.
4. Непомнящий Н. «Леонардо да Винчи. опередивший время». «Вече», М., 2014 г.

Февраль в жизни и творчестве Пушкина.

Февраль у римлян был последним месяцем в году и назван по имени Фебра, древнеиталийского бога, которому был посвящён. Древнерусские названия – сечень или снежень. Иногда ещё его в наших летописях называют свадьбами, так как это время на Руси посвящалось разыгрыванию свадеб. В памятниках слово «февраль» отмечается с XII в.

В жизни Пушкина было 37 февралей. И этот месяц играл важную роль в его жизни и творчестве. Но начнём с февраля 1799 г.

В это время будущий поэт – 28-недельный человеческий плод. Весом примерно 1 кг, ростом примерно 35 см. Он уже слышит звуки, различает голоса. Он умеет морщиться, отворачивается, сжимает кулачки, сосёт пальчик. У него хорошо развиты органы чувств, он видит свет сквозь живот матери. Активно формируются основные органы и увеличивается масса мозга; к 30 неделям формирование уже закончится. Гениальный мозг поэта существовал уже в это время.

Мать поэта не любила своего старшего сына. В творчестве Александра Сергеевича мы не найдём ни одного произведения, где бы упоминалась мать поэта. Редкий случай в русской поэзии.

Первые февральчики маленький Пушкин прожил в Москве, им занимались бабушка и няня Арина Родионовна, затем крепостной дядька Никита Тимофеевич Козлов, который был грамотным и даже сочинял стихи. Зимы 1811-1817 гг. поэт провёл в Лицее.

В феврале 1816 г. «в Петербург из Москвы ненадолго приезжал Николай Михайлович Карамзин. С ним поэт и критик Вяземский. И ещё Василий Львович Пушкин» (1, с.140).

«В феврале (1818 г.) он (Пушкин – В.Л.) заболел, горячка надолго уложила его в постель». «Прохворав 6 не-

дель, Пушкин выздоровел». (2,с.100). В феврале 1821 г. он окончил поэму «Кавказский пленник», начата 3 часть «Евгения Онегина».

5 февраля 1822 г. в девять часов вечера Пушкин пришёл к Владимиру Федосеевичу Раевскому, одному из первых декабристов, – чтобы предупредить того о грозящем аресте.

15 февраля 1825 г. вышла в свет 1 глава «Евгения Онегина».

Две зимы поэт провёл в Михайловском. Зимой он купался в баньке, где стояла ванна с холодной водой. За ночь воду затягивало льдом, Пушкин разбивал лёд кулаком. Окунался и, быстро одевшись, выходил во двор. Там ждал осёдланный конь. Зимой даже в Тригорском Пушкин бывал реже. Сидел дома и писал:

Сиди под кровлею пустынной,
Читай: вот Прадт, вот W. Scott .
Не хочешь? – проверяй расход,
Сердись иль нет, и вечер длинный
Кой-как пройдёт, а завтра то же,
И славно зиму проведёшь.

Зимой няня по вечерам пряла в кабинете поэта, он же расхаживал по кабинету, слушая, как потрескивает на столе свеча, воет ветер в трубе. Пушкин читал няне свои стихи:

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей.

Арина Родионовна была первым слушателем «Зимнего вечера», «Песен о Стеньке Разине», «Жениха», строф «Онегина», сцен «Бориса Годунова».

Февраль – месяц, когда поэт женился. «Будучи женихом, из дома невесты своей на Большой Никитской Пушкин

глядел на гробовую лавку (помещавшуюся в доме ныне кн. А.А.Щербатова) и написал свою повесть «Гробовщик», – сообщает П. Бартенев. Странное произведение накануне ожидавшегося счастья. Может, что-то предчувствовал?..

17 февраля 1831 г. Пушкин созвал у себя (по-видимому, уже в доме Хитровой на Арбате, неподалёку от Смоленской площади) мальчишник. Он прощался с холостой жизнью. Присутствовали Лев Сергеевич, Баратынский, Нащокин, Вяземский, Языков, Денис Давыдов, Иван Киреевский и ещё несколько человек (всего 12).

Наутро в день свадьбы Наталья Ивановна Гончарова прислала сказать, что всё опять придётся отложить – нет денег на карету. Жених послал денег – свадьба состоялась. Сперва венчать собирались в домово́й церкви кн. С.М. Голицына, но митрополит Московский Филарет запретил: не положено. Венчали в приходе, где жила невеста, у большого Вознесения.

Во время венчания Пушкин, нечаянно зацепив за аналой, уронил крест; когда кольцами менялись, одно упало на пол, погасла свечка, первым устал держать венец шафер жениха. Пушкин будто бы шепнул кому-то по-французски: «Tous les mauvais augures» («Все плохие приметы»).

Пушкин не любил стоять рядом со своей женой и шутя говаривал, что ему подле неё быть унизительно: так мал был он в сравнении с нею ростом (П. Бартенев со слов В.Ф. Вяземской)

28 февраля 1834 г. в дневнике Пушкин записывает: «Протекший месяц был довольно шумен, – множество балов, раутов ets. Масленица. Вчера обед у гр. Бобринского. Третьего дня бал у гр. Шувалова. На бале явился царевубийца Скарятин. Великий князь говорил множество каламбуров: полиции много дела (такой распутной масленицы я не видывал)». (5,с.34)

Февраль 1835 г. «С генваря очень занят я Петром. На балах был раза три; уезжал с них рано. Придворными сплетнями мало занят. Шиш потомству.

Филарет сделал донос на Павского, будто бы он лютеранин. – Павский отставлен от великого князя. Митрополит и Синод подтвердили мнение Филарета... Павского не любят. Шишков, который набил академию попами, никак не хотел принять Павского в числе членов за то, что он, зная еврейский язык, доказал какую-то нелепость в корнях президента. Митрополит на место Павского предлагал попа Кочтова, плута и сплетника. Этот приезжал к митрополиту, а старый лукавец сказал: «Я вас рекомендовал государю». (5, с.62-63)

В феврале разных лет Пушкин написал 54 письма различным адресатам. Первое из февральских писем датировано 6.02.1823 г., послано Вяземскому из Кишинёва в Москву. 27 января 1837 г. последнее письмо Пушкина написано детской писательнице А.О.Ишимовой. Среди других адресатов февральских писем: Ф.В.Булгарин, Л.С.Пушкин, А.А.Бестужев, Н.А.Гнедич, А.А.Дельвиг, П.А.Катенин, П.А. Осипова, В.И.Туманский, А.А.Муханов, Е.М.Хитрово, М.П.Погодин, С. П.Соболевский, К.А.Собаньская, К.М.Бороздин, Н.И.Кривцов, П.А.Плетнёв, А.Н.Гончаров, Т.В.Киреевский, П.В.Нащокин, И.И.Дмитриев, А.Х.Бенкендорф, А.И.Чернышев, С.Д. Нечаев, А.Н.Мордвинов, С.С.Хлюстин, Н.Г.Репнин, В.А.Соллогуб, А.А.Фукс.

Пушкин писал о «странных сближениях в жизни». В январе погиб на дуэли герой «Евгения Онегина» Владимир Ленский, это случилось после именин Татьяны 12 января. В январе же получил смертельное ранение на дуэли сам Пушкин.

Из донесения старшего врача полиции Иоделича о дуэли «между камер-юнкером Александром Пушкиным и

поручником Кавалергардского её величества полка бароном Геккереном первый из них ранен пулею в нижнюю часть брюха... – Г-н Пушкин при всех пособиях, оказанных ему его превосходительством г-ном лейб-медиком Арендтом, находится в опасности жизни». 46 предсмертных часов физических и душевных страданий предшествовали концу.

Пушкин получил ранение, несовместимое с жизнью. Через 10 лет после смерти поэта появился эфирный наркоз, борьба с раневой инфекцией началась ещё позже. Полостные операции не делались во времена Пушкина. Успешно выполнить операцию и удалить засевшую в крестцовой кости пулю можно было бы лишь через шесть десятилетий.

Е. Е. Моисеенко. «Памяти поэта»

Около умиравшего Пушкина были врачи Н.Ф.Арендт, профессор Х.Х.Соломон, И.А.Буяльский, Иван Тимофеевич Спаский, домашний врач Пушкиных. Ему пришлось вскрывать тело Пушкина. Протокол вскрытия оформлен Далем: «При вскрытии брюшной полости все кишки оказались сильно воспалёнными: в одном только месте, величиною с грош, тонкие кишки были поражены гангреной. В этой точке, по всей вероятности, кишки были ушиблены пулей.

В брюшной полости нашлось не менее фунта чёрной запёкшейся крови, вероятно, из перебитой бедренной кости.

По окружности большого таза, с правой стороны, найдено было множество небольших осколков кости, а, наконец, и нижняя часть крестцовой кости была раздроблена.

По направлению пули надобно заключить, что убитый стоял боком в пол-оборота, и направление выстрела было несколько сверху вниз.

Пуля пробила общие покровы живота, в двух дюймах от верхней передней оконечности чресельной или подвздошной кости правой стороны, потом шла, скользя по окружности большого таза, сверху вниз, и, встретив сопротивление в крестцовой кости, раздробила её и засела где-нибудь поблизости».

Итак, Пушкин мёртв. А.П.Языков пишет А.А.Катенину: «Я видел Пушкина в гробу, черты лица не изменились, только он начинает пухнуть, и кровь идёт изо рта».

1 февраля 1837 г. прошла обедня в память о Пушкине.

2 февраля – Жуковский сообщает А.И.Тургеневу, что государь назначил его сопровождать тело Пушкина. Тургенев пишет в дневнике: «Заколотили Пушкина в ящик. Вяземский положил с ним свою перчатку».

3 февраля 1837 г. – панихида по Пушкину в Коню-

шенной церкви.

4 февраля 1837 г. в первом часу ночи тело Пушкина повезли во Псков.

5 февраля – в Остроге, затем едут к Осиповой в Тригорское, где уже были в 3 часа пополудни... За ними «прискакал гроб в 7-ом часу вечера». Осипова послала мужиков рыть могилу. Потом поехали в монастырь. «Повстречали тело на дороге, которое скакало в монастырь» (А.И.Тургенев).

«6 февраля в 6 часов утра отправились мы – я и жандарм – опять в монастырь, – всё ещё рыли могилу. Мы отслужили панихиду в церкви и вынесли на плечах крестьян и дядьки гроб в могилу – немногие плакали. Я бросил горсть земли в могилу, выронил несколько слёз... и возвратился в Тригорское», – писал А.И.Тургенев своём дневнике.

Пушкина похоронили рядом с матерью: «Они лежат теперь под одним камнем, гораздо ближе друг к другу после смерти, чем были при жизни» (из дневника Ал.Н.Вульфа, 21.03.1842г.).

Мы все думаем о рождении и смерти. Но, наверное, лучше всего об этом сказал античный император и философ Марк Аврелий: « Смерть есть такая же тайна природы, как и рождение. В одном случае соединение, в другом – разложение одних и тех же элементов».

Источники

1. М.Басина. *В садах Лицея*. СПб,1996 г.
2. М.Басина *На берегах Невы*. М., ДЛ,1976 г.
3. М.Басина. *Далече от берегов Невы*. Л., ДЛ,1985 г.
4. М.Басина. *Там, где шумят михайловские рощи*. Л., Детгиз, 1962 г.
5. Пушкин А.С. *ПСС в 10 т.т. Том 10*. М., Наука, 1964 г.
6. Шубин Б.М. *Скорбный лист , или История болезни А.Пушкина*.
7. Вересаев В.В. *Пушкин в жизни*. (любое изд.)
8. *Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками*. М., Правда, 1987 г.

Русские философы о Гоголе

Н.В. Гоголь.

Фотография сделана во время пребывания писателя в Италии.

Русский философ Лев Шестов в статье «Откровение смерти» писал о Гоголе: «Его сверкающие остроумием и несравненным юмором произведения – самая потрясающая из мировых трагедий, как и его личная жизненная судьба».

И это правда.

Почти все русские философы сходятся в этом. Вот Василий Розанов: «Моим горьким смехом посмеются» – это не одна эпитафия на его надгробном памятнике в Москве, это и эпитафия ко всей его биографии». В «Опавших листьях» В. Розанова читаем о Гоголе: «Откуда эта беспредельная злоба?»

И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

...демон, хватающийся за крест (он же перед смертью)».

Андрей Белый, теоретик символизма, в статье «Гоголь» (1919) писал: «Непостижимо, неестественно связан с Россией Гоголь, быть может, более всех писателей русских, и не с прошлой вовсе Россией он связан, а с Россией сегодняшнего и ещё более завтрашнего дня».

Чем же он, Гоголь, отличается от других русских писателей?

«Пушкин создал целый арсенал оружия для борьбы со злом, но сам на битву не вышел», – писал когда-то Гоголь.

А сам же, видно, решил, что нужно выходить. В статье «Гоголь» Розанов утверждал: «Гоголь дал нам неутешное зрелище себя, и заплакал, и зарыдал о нём. Гоголь сжёг николаевскую Россию». Тот же Розанов в своей статье «Генеральной формы» говорит о Гоголе, как двойственном человеке и творце: «Гоголь толкнул всю Русь к громаде мысли, к необычайному умственному движению, болю им нанесённого, ударом, толчком.

... Дальше от Гоголевского безобразия...

... Но куда дальше, никто не знал. Рельсов не было. Был туман, в котором двинулась Русь, и в котором блуждает она до сих пор. Все бегут от прошлого, но куда бежать – никто не видит.

Если бы Гоголь завещал великую идею... Но что же извлечь из «Носа», из неудачной ревизии «Ревизора», из скупки мёртвых душ? Нечего извлечь. И Русь захохотала голым пустынным смехом...

И понёсся по равнинам её этот смех, круша и те избёнки на курьих ножках, которые всё-таки кое-как стояли, «какие нам послал Бог», по выражению Пушкина (в письме к Чаадаеву). И этот дикий безыдейный хохот – сколько его стоит ещё на Руси!»

Писатель Борис Зайцев в статье «Гоголь на Пречи-

стенском» писал: «На Пушкина съехалась вся братия (Тургенев даже из-за границы). Гоголя удостоили совсем немногие – неловко даже вспоминать. Как и при жизни, мало его любили. Одиноким Гоголь прожил. Одиноким перешёл в вечность».

Лев Шестов в «Откровениях смерти» писал: «Пушкин, читая Гоголя, воскликнул: «Боже, какая грустная Россия!» Но Гоголь не о России говорил – ему весь мир представлялся замороженным царством. Достоевский понимал это: «Изображения Гоголя, – писал он, – давят ум непосильными вопросами.»

«Он (Гоголь) разлил тревогу, горечь и самокритику по всей Руси. Он – отец русской тоски в литературе: той тоски, того тоскливого, граней которого сейчас и предугадать невозможно» (В.Розанов. «Русь и Гоголь»).

В статье «Загадки Гоголя» Розанов добавляет к своему анализу творчества писателя: «Гоголь с неистовством Поприщина, замученного докторами, опрокинул «на отечество» громадную свою чернильницу, утопив в чёрной влаге «тройку», департаменты, Клейнмихеля, перепачкав все мундиры, буквально изломав всё царство, так хорошо сколоченное к половине 19 в.»

Не случайно сам Гоголь ужаснулся нарисованной им же картине.

Вот как объясняет трагедию человека и писателя итальянский психиатр Ц. Ломброзо в своей знаменитой книге «Гениальность и помешательство»: «Николай Гоголь ... написал несколько превосходных комедий после того, как испытал полнейшую неудачу в страстной любви; затем, едва только познакомившись с Пушкиным, пристрастился к повествовательному роду поэзии и начал писать повести; наконец, под влиянием московской школы писателей он сделался первоклассным сатириком и в своём произведении

«Мёртвые души» с таким остроумием изобразил дурные стороны русской бюрократии, что публика сразу поняла необходимость положить конец этому чиновничьему произволу, от которого страдают не только жертвы его, но и сами палачи.

В это время Гоголь был на вершине своей славы, поклонники называли его за написанную им повесть из жизни казаков «Тарас Бульба» русским Гомером, само правительство ухаживало за ним, — как вдруг его стала мучить мысль, что слишком уж мрачными красками изображённое им положение родины может вызвать революцию, а так как революция никогда не останется в разумных границах и, раз начавшись, уничтожит все основы общества — религию, семью, — то, следовательно, он окажется виновником такого бедствия. Эта мысль овладела им с такою же силою, с какою раньше он отдавался то любви к женщинам, то увлечению сначала драматическим родом литературы, потом повествовательным и, наконец, сатирическим. Теперь же он сделался противником западного либерализма, но, видя, что противоядие не привлекает к нему сердца читателей в такой степени, как привлекал прежде яд, совершенно перестал писать, заперся у себя дома и проводил время в молитве, прося всех святых вымолить ему у Бога прощение его революционных грехов. Он даже совершил путешествие в Иерусалим и вернулся оттуда значительно спокойнее, но вот в Европе вспыхнула революция 1848 года — и упреки совести возобновились у Гоголя с новой силой. Его начали мучить представления о том, что в мире восторжествует нигилизм, стремящийся к уничтожению общества, религии и семьи. Обезумевший от ужаса, потрясённый до глубины души, Гоголь ищет теперь спасения в «Святой Руси», которая должна уничтожить языческий Запад и основать на его развалинах панславистскую православную империю. В 1852 го-

или, скорее, от сухотки спинного мозга на полу возле образов, перед которыми он до этого молился, преклонив колени».

Оценка творчества писателя и отдельных его произведений неоднозначна.

Достоевский в «Дневнике писателя» (1876г): «...Женитьба», «Мёртвые души» – самые глубочайшие произведения ... по выводимым в них художественным типам. Эти изображения, так сказать, почти давят ум глубочайшими, непостижимыми вопросами, вызывают в русском уме самые беспокойные мысли, с которыми, чувствуется это, справиться можно далеко не сейчас; мало того, ещё справишься ли когда-нибудь?»

Розанов в «Опавших листьях» писал: «Это просто пошлость! Так сказал Толстой в переданном кем-то разговоре о «Женитьбе» Гоголя. И весь Гоголь, весь – кроме «Тараса» и вообще малороссийских вещиц, – есть пошлость в смысле постижения, в смысле содержания. И – гений по форме, по тому, «как» сказано и рассказано. Он хотел выставить «пошлость» пошлого человека, его заняла и на долго лет заняла, на всю зрелую жизнь, одна пошлость. Удивительное призвание».

Андрей Белый в статье «Гоголь» писал: «Гоголь гений, к которому вовсе не подойдёшь со школьным определением; я имею склонность к символизму; следственно, мне легче видеть черты символизма Гоголя; романтик увидит в нём романтика, реалист – реалиста.

Гоголь – трясина и вершина, грязь и снег; но Гоголь уже не земля. С землёй у Гоголя счёты; земля совершила над ним свою страшную месть. Смех Гоголя переходит в трагический рёв, и какая-то ночь наваливается на нас от этого рёва.

Гоголь вышел за пределы своей личности и вместо того, чтобы использовать это расширение личности в целях

искусства, Гоголь кинулся в бездну своего второго «я» – вступил на такие пути, куда нельзя вступить без определённого оккультно разработанного пути, без опытного руководителя». Белый пишет о «странном вывихе души его».

Л. Шестов в статье «На страшном суде» писал: «Его (Гоголя – В.Л.) настоящими записками сумасшедшего были «Мёртвые души» и «Избранные места из переписки с друзьями». Даже Пушкин, который всё умел понимать, не разгадал истинного смысла «Мёртвых душ». Ему казалось, что это плач по невежественной, дикой, отсталой России.

Но не в одной России Гоголь увидел мёртвые души. Весь мир представлялся ему замороженным царством, все люди – великие и малые – безвольными, безжизненными лунатиками, покорно и автоматически выполняющими извне внушённые им приказания».

Розанов в статье «Загадки Гоголя» говорил: «У Толстого тоже не дурной глаз, но в людях почти одной эпохи, какую изобразил и Гоголь, он высмотрел «Войну и мир», тогда как тот высмотрел «Мёртвые души».

Белый в статье «Гоголь»: «Невыразимые, нежные чувства его: уже не любовь в любовных его грёзах – какой-то мировой экстаз, но экстаз невоплотимый; зато обычные чувства людей для него – чувства подмигивающих друг другу шпонек и редек. И обычная жизнь – сумасшедший дом.

... Любит Гоголь Россию, страну свою; как любовник любимую любит, её любит Гоголь: «Русь! Чего ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами?» («Мёртвые души»). ... Она для него – образ всю жизнь неведомой ему, и всё же его любовницы».

«Революция нам показала и душу русских мужиков, «дядю Митяя и дядю Миняя», и пахнущего Петрушку, и догадливого Селивана. Вообще – только революция впервые оправдала Гоголя» (В.Розанов. «Гоголь и Петарка»).

Вадим Кожин в беседе (опубликованной в «Книжном обозрении» 6.05.1997г.) «Спасётся ли Россия?»: «...Похоже на случай из рассказа Шукшина, где простого работягу, слушающего, как его сын бубнит что-то о птице-тройке, вдруг осеняет: но ведь в этой птице-тройке, символе России, едет, мчится всего лишь Чичиков (а управляет ею Селифан!), этакий наездник и покровитель прогресса. Как это гениальный Гоголь такую промашку дал?! А может, и не дал?»

В «Литературной газете» (№14 за 2009 г.) были опубликованы ответы русских писателей, посвящённые Гоголю. В анкете имелся вопрос: какой персонаж или сюжет из современной жизни достоин гоголевского пера? Вот как ответил на него Валентин Распутин: «Такой сюжет отыскать нелегко. Это как поссорились между собой Украина и Россия, и как Мазепа переплюнул Богдана Хмельницкого». Это было сказано в 2009 году...

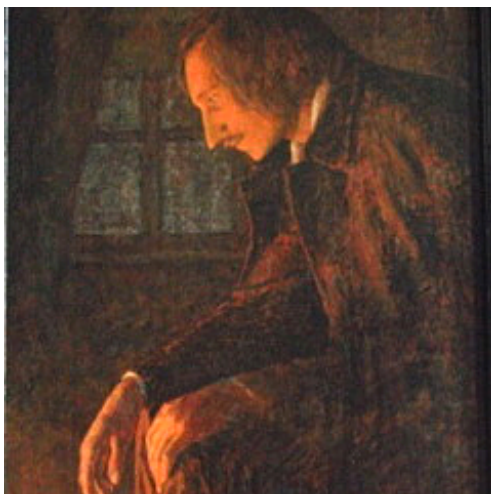
О. Булгакова. «Н. В. Гоголь»

Существует знаменитый портрет Гоголя работы Ф. Моллера, фото Гоголя, есть Гоголь-памятник (работа скульптора Андреева в Москве, скульптора Белова и архитектора Васильковского в Санкт-Петербурге). Но для меня Гоголь – это персонаж с полотна Ольги Булгаковой.

Закончить хочется стихотворением В.Соколова «Гоголь ночью», поэтическим комментарием к данному портрету:

Как страшно поэтом быть
И зная, уже бессмертно,
Что время не протопить,
Хоть тяга его безмерна, –
 К глазам подносить ладонь,
 Тайком подводить итоги,
 Подбрасывая в огонь
 Пейзажи и диалоги,
Шумящие деревья,
Кресты и церквей убранства,
Как хворост или дрова –
Мосты и кусты пространства;
 Медлительною рукой
 С начала и с середины –
 С провидческой строкой
 Магические картины.
И быстро шептать Христу
Про мёртвые чьи-то души.
И знать, что уже растут
На стенах глаза и уши.
 И в ужасе подбегать
 К печурке. И нос холодный
 Почти что в неё совать.
 И в позе сидеть свободной.

И видеть, томясь огнём
(О, только не дописать бы!),
Как ночью горят и днём,
Дымясь вороньём, усадьбы.
И, вечный сжигая труд,
В слепой созерцать отваге,
Как белые буквы мрут
На чёрных витках бумаги.

*Гоголь сжигает второй том «Мёртвых душ»
(фрагмент картины художника А.Л. Москаленко)*

Источники

1. А.Белый. *Символизм как миропонимание*. М., Республика, 1994
2. В.Розанов. *О писательстве и писателях*. М., 1995
3. В.Розанов. *Опавшие листья*. М., 1992
4. Л.Шестов. *Сочинения в 2 т.т.* М.Наука, 1993
5. «Литературная газета», №14.1-7 апреля 2009
6. В.Соколов. *Гоголь ночью*.
7. Вкладка в ж. «Юность». Ольга Булгакова. «Н.В.Гоголь». По залам выставки живописи 6 молодых художников в Риге.

Заметки читателя о тульской прозе (без имён).

Существует некая литературная легенда (возможно, это исторический анекдот) о том, что один из руководителей тульского отделения Союза писателей, говоря о развитии литературного процесса в регионе, сказал: «Вот до революции в Туле был один писатель – Лев Толстой, а сейчас нас много».

Такое сравнение может может разве что насмешить: если соединить всех тульских прозаиков, они не потянут даже на мизинец Льва Николаевича.

Хотя современные наши прозаики, не страдающие излишней скромностью, на полном серьёзе называют друг друга «наследниками великого Толстого». Но на звание это никак не тянут ни по литературному таланту, ни по общественному значению.

Недостатки прозы заметнее потому, что поэт может спрятать свои неявные недостатки за рифму, ритм и другие формальные признаки поэзии. В этом смысле прозаик может спрятаться только за слово – если он им владеет в совершенстве.

В прозе тульских писателей отсутствует то, что делает её художественной, то есть запоминающиеся образы, а также сюжеты, которым читатель сопереживает. Вот прочитали вы огромный роман – чего только в нём нет: и цитаты философов, культурологов, социологов... Нет только внятно рассказанной истории, которая заставила бы читателя радоваться, удивляться, печалиться, плакать, смеяться.

Читаешь такой литературный «блокбастер» и думаешь: а что же хотел сказать и показать автор? И в памяти всплывает фраза героини Ф. Раневской: «Они хотят свою образованность показать...»

Ну, с образованностью-то у нас всё в порядке. Сейчас

за трудную работу писателя с большим удовольствием берутся доктора и кандидаты разных наук, которые считают себя вполне созревшими для того, чтобы осчастливить человечество своими «откровениями». Только откровений-то и нет никаких: либо банальные истины, либо то, что сейчас, покопавшись, можно насобирать в интернете. Этакие «нет-романы», а проще – лоскутные одеяла, где каждый лоскут сшит с другим на живую нитку.

Подозрительно много у нас сейчас говорят о тульских энциклопедистах. До революции у нас был один русский энциклопедист – А.Т.Болотов. А теперь – страшно подумать, сколько их потенциальных, – как университетов (на каждом перекрёстке!) Девальвация – это ведь не только финансовое понятие, но и моральное...

Или вот ещё пишут тульские прозаики мистическую или философскую прозу. Это значит, пробуют рассуждать. О рассуждении знают уже пятиклассники. Оно состоит из тезиса, обоснования высказанной мысли, логического вывода из всего сказанного. Но это пятиклассники, а наши профессионалы от литературы как будто понятия об этом не имеют! Как результат – из попыток рассуждать рождаются отнюдь не мудрые и оригинальные мысли, а сущая белиберда, то есть вздор, бессмыслица.

Вообще с воображением у наших прозаиков тоже не очень. Сюжеты не отличаются оригинальностью, часто на грани пошлости и анекдота. Хотя и анекдот при наличии таланта можно обыграть так, что он заинтересует читателя. Но, видно, не дано.

Поэтому нашу тульскую прозу отличает некий вынужденный автобиографизм: у нас не пишут, у нас описывают. В основном то, что случилось с самим собой. Конечно, есть автобиографические произведения и у Л.Н.Толстого, например, «Детство. Отрочество. Юность», рассказы и повести. Но

в них, отталкиваясь от фактов собственной биографии, он создаёт психологический портрет своего современника. Поэтому он и великий Толстой!

Кстати, один из «всемирно известных» в нашей области писателей посетовал на то, что Владимир Ильич Толстой не встречается с тульскими писателями, не приглашает их в Ясную Поляну.

Представляю лицо Льва Николаевича, если бы он мог прочитать перлы своих «наследников»: «сбитая фигура», «разлапистый» (это о человеке), «полновесные груди», «на складках лба резко обозначились морщины, как скобки», «с чистым молочным лицом», «колени ног» (уточнено автором, видимо, для того, чтобы читатель не перепутал их с коленьями рук), «живые глаза с паволокой»...

Да, не дружат наши писатели с родным языком. А ведь он – их «хлеб». Но элементарная неграмотность не мешает, однако, этим прозаикам всерьёз посягать на гордое звание «писатель». Когда читаешь некоторых тульских прозаиков, возникает впечатление, что это иностранцы пытаются писать по-русски.

Какая-то странная, сорная смесь русского и ещё чего-то... Не слишком давно я обнаружила такое слово, как «суржик». В словаре Даля и Фасмера так называется «нечистая пшеница с примесью ржи». Но то о злаках, а в лингвистике это невообразимая смесь русского, украинского и ещё чего-то. Конечно, великая русская литература создавалась на русском литературном языке, в котором каждое слово имеет значение, поэтому русский писатель никогда не напишет «утренний рассвет», потому что рассвет – «время перед восходом солнца, начало утра».

Прозаиков, которые пишут на непонятно каком языке, можно назвать одним словом – «Суржиковы». Сейчас прозаиков Суржиковых хоть пруд пруди. И ладно бы подобные «писатели» печатали свою белиберду на свои же кров-

ные, – но их литературные забавы часто оплачивает государство, а значит, все мы с вами.

Теперь о прозе исторической. Тут, как говорится, свои заморочки. Иногда добротный в общем-то текст теряет свою привлекательность из-за того, что автор плохо знает материальную культуру того периода, о котором собрался писать.

И тогда в Киевской Руси герои встречаются в гостиной, едят суп, чокаются бокалами... Если бы уважаемый автор, не понадеявшись на авось, изучил эпоху Древней Руси, то он бы наверняка узнал, что:

гостиная появляется в домах дворян, а значит, много позже; слово «суп» в русском языке употребляется лишь с начала XVIII века;

слово «бокал» пришло в русский язык в Петровскую эпоху...

А язык героев! Они общаются на слэнге нулевых. Читаешь такие диалоги – и диву даёшься: неужели такое можно печатать, на полном серьёзе считая всё это «художественной литературой»?! вспомните, уважаемые прозаики, классику русского исторического романа!

Когда-то Горький призывал молодых писателей изучать родной язык и бережно и правильно его использовать в своих произведениях. И писатели следовали его совету – отсюда великолепные образцы отечественной прозы 20-30-х гг. прошлого века. Читаешь и наслаждаешься каждым словом, живым, вкусным, прекрасным.

А сейчас?

Наша тульская проза, за исключением лишь нескольких имён, скучна, примитивна, а часто элементарно безграмотна. Какая жалость, что нет художественной цензуры, нет профессиональной редакторской правки текстов! Хотя местные писатели, вероятно, считают, что ни в какой правке они не нуждаются – и печатают свои «шедевры» в так называемой авторской редакции, то есть следуя нехитрому рецепту одной глупой песенки: «Я его слепила из того, что было».

Великие русские писатели, не чета нынешним слово-блудам, не брезговали талантливой редактурой. На то они и классики: чувствовали свою ответственность перед словом, перед читателем, перед вечностью.

А нынешние – главной целью поставили самовыражение. Вот насамовыражаются – а ты, читатель, не хочешь – не нюхай.

Ну, а как же насчёт вечности?

Вечность местным шедеврам явно не грозит.

Содержание

<i>«В опасной близости от сердца» (о поэтическом сборнике Т. Макаровой)</i>	3
<i>Февраль в жизни и творчестве Пушкина</i>	46
<i>Русские философы о Гоголе</i>	53
<i>Заметки читателя о тульской прозе (без имён)</i>	62